2-10-14

Архив международного Мемориала

Коллекция мемуаров и литературных произведений

Ф.2, оп. 10, д. 14

Шелкунова Антонина Алексеевна

[Воспоминания]: Интервью

Москва, 1989 [04.09.1989]

Расшифровка магнитофонной записи, машинопись, ~~56~~ 62 л.

Интервьюер – [Полещук-Муралов, внук Н. И. Муралова]

Приложено: первичная аннотация (6 л., рукопись)

См. также

Шелкунова А. А. Колючее слово Колыма / предисл. сост. // Доднесь тяготеет. Т. 2 : Колыма : сб. / сост. С. С. Виленский. – М. : Возвращение, 2004. – С. 502–515 : портр., ил.
https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=462

Поступление 1989

Архив Международного Мемориала
фонд 2, опись 10, дело 14

Я кончила техникум Новосибирский сельскохозяйственный, техникум - молочно кооперативное отделение. Я родилась в Харбине. И два мои брата расстреляны за то, что они родились в Харбине. Мне следователь Харбин даже не упоминал, потому что мне хватало троцкизма от Николая Ивановича Поэтому мне следователь о Харбине и речи не было. Мне было двенадцать лет когда мы приехали в Советский союз в 24-м году. А брату, которого расстреляли ему девять было. А когда его расстреляли ему было двадцать два года. А старшему брату шестнадцать. Ну, это уже законченный контрреволюционер. Это уже так сказать подготовленный.

Я, после окончания техникума полтора года проработала на Алтае в Аэротской автономной области, тогда она так называлась. И там я собралась уезжать поступать в ВУЗ, я встретилась с одним ссыльным. Со мной даже статистик работал ссыльный и я с ним часто вступала в споры. Я была очень задиристая. И как-то там мне парторг говорит:

- Ты, знаешь что,ты с ним не спорь, потому что партия с ним прекратила дискуссию.

Я беспартийная была, но везде и все меня касалось.

А вот этого троцкиста я в лицо знала. Они там отличались от всех. Такие интеллигентные лица. Он узнал, что я выезжаю. Он подошел ко мне и говорит:

- Знаете, мы не получаем писем от своего друга Николая Ивановича Мурава /?/. Вы не могли бы зайти в Новосибирске и сказать ему, что мы очень беспокоимся, что такое?

Я говорю: - пожалуйста. Тогда мне и в голову никакая контрреволюция не приходила.

Архив Международного Мемориала фонд 2 опись 10 дело 14

Зашла к Николаю Ивановичу. Познакомилась. Он был обаятельным человеком. Красивый. Безукоризненный русский язык. Широкая культура. И никогда никаких разговоров ни о каком троцкизме. А там бывала. И там бывали специалисты, молодежь, с которыми он работал. И он всегда знакомил и говорил: "Этот женатый, а вот этот не женатый".Что бы чего-нибудь не вышло. А так как еще живо во мне было все приобретенное образование, после того как я работала все-таки полтора года, и четыре года училась. Техникум очень хорошее образование давал. И кроме того даже экономическое. Поэтому Николай Иванович много затрагивал тем, по которым мне с ним можно было заниматься, потому что он по образованию хромал. Главная тема была литература, о всяких печатных новинках. Как всегда в интеллигентной среде,

А поступила я так. Я приехала очень поздно. Меня не отпускали Уже был октябрь месяц. Встречаю завуча нашего бывшего техникумского. Он декан сельхозфакультета при Экономическом институте. Он говорит:

- Шелкунова, почему вы не поступили?

- Я собираюсь в Университет, но я уже опоздала.

- Он говорит: - поступайте к нам. Год проучитесь, потом переведетесь.

Я подумала и пошла. Уже там дней пять занимались. Но он позвал преподавателя, меня проэкзаменовали, чего-то я нарешала, чего-то написала и меня приняли. Я даже не брала стипендию. Поступила работать на четыре часа в гидрометслужбу, чтобы меня потом отпустили с планово-экономического института в Университет. Я собиралась на биологический факультет. И вот этот год я ювала у Николая Ивановича.

Архив Международного Мемориала фонд 2, опись 10, дело 14

Когда я уехала в Томск я послала ему поздравление с каким-то праздником, не помню Новый год или Октябрьские. Открыточка с обратным адресом. И вот я доучилась до четвертого курса. Николая Ивановича еще не арестовали, а произвели у него обыск сначала и вот там нашли контрреволюционеров, которых надо хватать.

Антонина Алексеевна, а в каком это году?

- Я в 36-м. А с ним в 32-м году это было. Да я ведь тогда уехала учиться в Томск и поэтому я больше с ним не встречалась.

- А вы можете рассказать где он там жил и что из себя представляло все?

- Там жили ответработники. Это как раз Советская улица, квартал от меня как раз. Там было, ну что-то вроде общежития такого, очень благоустроенное, со всеми удобствами дом. Комната у Николая Ивановича была хорошая. И там жили такие среднего ранга ответработники. Там были и партийные и советские. Вот это был дом такой привилегированный. Вообще людей, которые жили в том доме я у него не встречала. По фамлии я у него встречала профеассора Тоцкого. Я не знаю кто он такой, но очень интеллигентный человек. Он там был ссыльным. И очень хорошо получилась, что меня не стали спрашивать. Единственно один раз кого я встретила там, такая работница, она приехала в Новосибирск в ссылку, пришла к Николаю Ивановичу, она была не очень грамотная, такая местечковая еврейка и она просила Николая Ивановича, он был тогда прикреплен к какому-то распределителю, чтобы если у него там что-то остается, чтобы он ей давал. Она с ребенком была . Вот об этом, мне даже дали с ней очную ставку.

Но вот о Тоцком, я была очень рада, что меня не спрашивали.

Архив Международного Мемориала фонд 12, опись 10, дело 14

Потому, что тогда бы закрутилось. Я знаю, что Тоцкий был не то экономист, не то, в общем какой-то гуманитарий. Он там в ссылке был, в Новосибирске. Но с Николаем Ивановичем они были знакомы раньше. К счастью о Тоцком и разговора не было, потому, что мне кажется, что судя потому, что он в ссылке был, может он эсер, а может меньшевик, я не знаю кто он был. Но мне кажется, что не большевик, вряд ли.

И вот когда я уехала в Томск, училась там. Очень голодные времена были. Приходилось по три часа стоять за обедом, черная свекла замороженная, в воде, а второе - шрапнель, это перловая каша без единой жиринки . Хлеб по три дня не давали и когда студенты на лекциях жевали, никто из преподавателей никогда ничего не говорил. А уж потом, на третьем курсе, когда уже все образовалось, то стали уже говорить: "Вы может быть позавтракаете в коридоре?". А тогда никто ничего не говорил, знали, что все были голодные ужасно. Очень трудно жилось. Я жила не в общежитии, а сначала жила с мужем в одной квартире. Муж работал зоотехником подруги а ее муж учился в индустриальном, а я в Университете. Было две комнаты, но мы за всю зиму ни разу не видели в печке угля, потому, что она нам присылала сырую черемуху. Часов у нас не было и как-то раз меня разбудили в четыре часа и я побежала в университет, а там все-таки топили, а нас в кочегарку пустили. Мы так продрогли, что нам показалось что уже позднее время. Так что жилось очень трудно.

Но потом уже стало налаживаться. Я еще учась в Университете, конечно, я попала в группу в которой учились люди, у которых не было среднего образования. В это время ликвидировали школу, когда они поступали и когда я поступала. Ликвидировали среднюю школу

Архив Международного Мемориала фонд 2, опись 10, дело 14

А они кончили семилетку. Им какие-то курсы трехмесячные. Но они, конечно, если у них нет среднего образования. Что же можно узнать за три месяца? И они безграмотные, ничем не интересующиеся, такая серость на нашем биологическом факультете была. И все показания, которые они против меня давали, заключались в том, что я отделялась от них. Но ведь в Университете было очень много интересных людей, и естественно, что я искала себе другую компанию. Работала в литкружке. Раздавался звонок, а меня уже ждали поэты. Они очень ревниво относились к моему критическому слову. И сразу, свою вновь испеченную продукцию тащили мне на критику. Даже когда я уехала после третьего курса, они в многотиражке мне вдогонку эпиграмму "Отчего никто не стонет?

Отчего не слышно слез?
От-того, что нету Тони,
Вдаль её экспресс увез.
Что за критику поэту дальше я не помню.

В общем кукиш в кармане. Опубликовали когда я уже уехала.

Да, смешная история произошла. Я училась хорошо, потому, что у меня была хорошая подготовка. Читала очень много. Все время следила за литературой и следователь, после ареста, мне сказал:

- Знаменитосью стала. Тристо человек друзей завела.

А почему же из трехсот человек, вы не нашли ни одного свидетеля? Вам пришлось посылать ко мне со специальным заданием человека. Такого еще серого сапога выбрали, он жил с моими ребятами, с моей группой.

Он пришел вдруг ко мне домой. Я торопилась. Я уже стояла в пальто.

Он говорит: Мне ребята сказали, что у вас хорошие книжки есть. Вот дайте мне стихи.

Архив Международного Мемориала фонд 2, опись 10, дело 14

Я ему дала Асеева. Я его не любила. Я решила, что если и зажмет, то ничего. И сказала ребятам, "биофаковский чернозем в литературу попер. Пришел сегодня ко мне какой-то, прямо кошмарный, сапог такой. Попросил почитать. Ну дала ему Асеева. А он еще раз пришел; принес газету и говорит: там интервью Сталина. Но этот раз он пришел уже не один, а еще с одним. Этот Курганов ни слова не говорил. А этот все, вытащил засаленную колоду карт, предложил в дурака играть. Бакулин его фамилия. Он специально был подослан ко мне. Меня не с чем было брать и вот послали этого Бакулина и когда я следователю сказала:

- Вот вы говорите триста человек друзей. Почему же никто из них показаний на меня не дает. А вам пришлось ко мне подсылать такого сапога. Ну, сойдет и этот.

А арест мой произошел так. Ночью, они же днем не приходили, I3 марта I936 года. Пришли, произвели обыск. Шерстили там, ну у меня были записи стихов Маршака,, фотографии были. Их было два человека.

Я спросила: - мне ничего брать с собой не надо? Меня, наверное на днях отпустят?

Они мне сказали: - Нет. Вряд ли это будет так скоро. Возьмите все, что вам там понадобиться. Комнату мою не опечатали. Соседка там растощила мои вещи. Я все таки работала, зарабатывала прилично. И когда училась в Университете тоже в гидрометеослужбе там тоже подрабатывала.

Они пешком недалеко там это КГБ наверху. А в подвале тюрьма. На главной улице. И привели меня в камеру. А там сидела старушка акушерка и мы с ней разговорились и оказалось, что она всех моих знакомых принимала в Томстве. Раньше ведь роддомов не было.

Архив Международного Мемориала фонд 2, опись 10, дело 14

А акушерки на дому роды принимали. Так что ребят, которых я знала, она про них говорила "Ой какой крикун!". Старуха замечательная. А дело в том, что кто-то из ее родственников был в Харбине и посылали им когда был Торгсин, посылали пять десять рублей, там тоже небогато жили. Ну, в общем старушкам на бедность посылали, она с сестрой била. Ну они ее и забрали.

Ну, когда Николая Ивановича увидели в тюрьме, его не сразу посадили. Его еще держали. Нас посадили после обыска у него, его сослуживцев, эту Марусю Сокольникову и и еще кого-то кто рядом с ним работал.

И вот мы открыли створку, встали повыше, кто-то из сокамерниц закрывал "волчек". И прокричать нам удалось: Николай Иванови хоть что-то было?

- Он сказал - Дело Бейлиса.

И она мне говорила, что его очень скоро увезли, потому, что все время пытались его увидеть через створки и по разному, но больше его не видели.

У меня с ней были испорчены отношения /с кем разобрать не могу/. Она меня обвинила, в том, что я у нее пятерку украла, а пятерка в жекете, знаете такие маленькие кармашки. Она просто потеряла. А мне поклонник, которого тоже посадили, попросил свою тетку, чтобы она хоть какие-то немножко денег. Она мне передала пятнадцать рублей. А та знала, что у меня денег не было. Но я даже хотела самоубийством покончить, была так оскорблена. Маруся за меня вступилась. " Ты с ума сошла, проси прощения.

После следствия она еще меня обвиняла в том, что меня когда вызвали на допрос, а в это время обыск был и у нее нашли в консервной банке в мыле нож, которым мы все пользовались, что это вроде я сунула туда его.

Архив Международного Мемориала фонд 2, опись 10, дело 14

Бредовая мысль совершенно. И вдруг меня с ней попадаю в Ярославскую тюрьму в одну камеру. Это уже когда нас привезли для отсидки. Она получила десять, а я восемь лет. И вот нас привезли и мы оказались в одной камере.

Я ей сказала: - Катя, раз нас посадили, намеренно зная, что у нас испорчены отношения, нам надо достойно выйти из этой истории.

- А она кто была?

- Она экономист вообще, среднее образование у нее было и она работала с Николаем Ивановичем. Она мало интеллигентный, неинтересный человек. Она участвовала в комсомольской дискуссии в троцкистской оппозиции. Маруся даже не помнит кем она работала. Мы вместе там всех перебирали, а теперь она забыла, что-то с памятью

И с этой Катериной я оказалась в камере. Во первых она читала социально экономическую литературу, а я художественную. А на десять дней давали две книжки и поэтому я свою проглочу за два дня и потом шагаю и еще у меня бессонница была и в следственной тбрьме и вообще и я занималась тем, что я все прегрешения Сталина и судила его жестоко. Я тогда сознавала все. Еще Бог миловал, я приставала к следователю, который писал всякую ерунду, что я отделялась от всех. Он очные ставки с сокурсниками давал, но они же мне были неинтересны и я действительно от них отделялась. Ко мне прикрепили отстающих я требовала, чтобы они ко мне приходили заниматься. А они пошли в деканат жаловаться, что у меня собачий холод, вода там замерзает. А им сказали - она же учится и еще отличница. Ходите к ней. А я как тараканов морила своих отстающих. Я считала, что их надо гнать из университета. Я и сейчас так считаю. Неспособным, не интересующимся в ВУЗе делать нечего.

Архив Международного Мемориала фонд 2, опись 10, дело 14

Позавчера была хорошая статья по поводу кандидата из Ташкента. Он говорит, что это ужас что такое. Выпускают черт знает кого.

– Уже тогда чувствовали, что кадры не те. А вот как у вас дальше? Вас в Томске стали держать.

– В Томске подержали. Следователь там был такой Носов. И вот он и я, я же к нему все время приставала. На первом же допросе: – перечислите своих знакомых.

Я перечисляю своих молодых знакомых, а они мне говорят: – Перечислите тех, кто постарше.

И вот я все время приставала к следователю, а он не стал писать, потому что у него был сценарий: троцкизм – Николай Иванович, и надо было меня в этом плане допрашивать.

А я ему говорила, что я возмущена сталинским законом о привлечении детей двенадцати лет к уголовной ответственности. Я ьребовала, чтобы он об этом писал, а он не писал. И это не потому, что он меня жалел, а просто у него был разработанный сценарий. И ему лишняя канитель совсем ни к чему была. Но вот с этим сталинским законом я была так возмущена и я ему все время говорила: – все это вранье. Вы пишите вот это.

– Там вас долго продержали в Томске?

– В Томске с 13-го марта. Меня привезли со спецконвоем, торжественно везли, меня сопровождали в в специальном вагоне. Привезли, наверное, в мае в Новосибирск. Не долго там продержали. Так вот там давали очную ставку, с Бакуниным не дали, а дали целую тетрадь его показаний, в том порядке в каком мы учили враждебные теории Бухарина, такие троцкистские, вот он все, как любой наш конспект можно было взять, мы с ним же в одном ВУЗе учились. Так что он по своему конспекту. Звали его

Архив Международного Мемориала фонд 2. опись 10. дело 14

не знаю как.

В справке о реабилитации сказано: "по вновь открывшимся обстоятельствам установлено, что никакого состава преступления нет.

А следователь этот с вами тоже переехал?

- Нет. Как раз в Новосибирске я попала к приличному следователю. Следователь был такой. Так как было изобилие арестованных, то всех следователей и Барковского в том числе, а он был заместителем начальника Особого отдела, то есть отдела, который ведает шпионами. Но я у них была троцкистской, но им всем дали вести и эти дела. Было обилие троцкистов и вредителей. И вот меня дали ему, хотя он по специальности был по разбору шпионских дел.

Он оказался приличный человек.

Я ему говорю: - Неужели вы верите, что я троцкистска?

Он говорит: ? Нет, конечно. Вы знаете, я попытаюсь для вас что-нибудь сделать.

А появился новый начальник КГБ Новосибирского. Кушкин. Ознаменовал он свое появление тем, что у нас там росли цветы и шла бойкая переписка. Письма засовывались в цветы и романы там были во всю. У меня, конечно не было, но у соседок по камере были. За три дня я освоила морзянку и мы перестукивались. Привозили из Москвы, с Кузбаса. Такая Полина Мельникова. Потом она покончила самоубийством. Немного странноватый, но очень интересный человек она была. Разные люди там появлялись. Но пока мы сидели на Коммунистической улице, кажется, это оам где я Николая Ивановича видела. Наверное мы последние, кто видел Николая Ивановича живым. Потому что потом его увезли в Москву.

- Вы сперва попали в какую-то общую камеру.

- Там было человек пять.

Архив Международного Мемориала
фонд 2, опись 10, дело 14

– Там бывало и пять и семь человек. По моему камера была человек на восемь. Поэтому мы там менялись и как-то у меня в памяти остались немногие.

А все были по Муралову привлечены?

– Нет. По Муралову Маруся Вдовина и Екатерина Окулакуар украинская фамилия. Я с ней оказалась в Ярославской тюрьме и потом мне рказали, что там происходили страшные вещи. Дрались, писали доносы. А мы с ней достойно прожили. Несмотря на то, что она была мне глубоко несимпатична и что она меня чуть до самоубийства не довела, но я все-таки понимала, что в таких обстоятельствах... Нам выдавали две тетрадки в месяц, она что-то строчит, строчит. Поскольку у нас такой уж близости не было, ну она там рассказывает, что от детей письмо получила. А я ни от кого никаких писем не получала. Какие-то небольшие деньги ей присылали. Ну, расскажет, что мать там пишет.

А я занималась с ней химией. Писали мы на полях газет и кончилось это тем, что нас лишили на три месяца газет. А соседкой нашей была малограмотная в смысле стука, тоже по делу Николая Ивановича Муралова, Евгения Мазина /?/ Я видела у Николая Ивановича ее, и мне еще с ней давали очную ставку. Она в ссылку была послана. Работница. Она говорят погибла на Колыме. И вот мне с ней дали очную ставку. Я сказала, что никаких разговоров, ни о каком троцкизме, ни о какой контрреволюции не было. Она просила, чтобы он ей помог какими-то консервами, у нее ребенок был.

– А вот как этот следователь в Новосибирске вел дело? Сумели они как-то убедить, что есть организация? В каком качестве вы били привлечены?

Архив Международного Мемориала фонд 2, опись 10, дело 14

– Я им сказала – назовите мне других членов организации. Он говорит: организация была тоже засекречена и вы знали только Муралова. Она была настолько засекречена, других однодельцев мне в Томске не шили.

Я ему сказала: неужели вы верите в эту чушь про троцкистскую организацию?

Он говорит: нет, конечно. Я попытаюсь для вас что-нибудь сделать. И вот он мне свидание с этим Курским. Свидание это кончилось ничем. Он меня призывал разоружаться. И был очень огорчен мой следователь Бабковский, что это свидание с начальником с которым свидание устроить было трудно, ничего не дало. Этого Бобковского мне просто было жаль.Он понимал, что я никакая не троцкистка. Очной ставки с Николаем Ивановичем у меня не было. Ни одной строчки в моих показаниях против Николая Ивановича ничего не было.

Я следователю говорила, что Николай Иванович со мной никогда ни о каком троцкизме не разговаривал. Вообще мы ни о какой политике не говорили. Мы говорили о литературе, о сельском хозяйстве.

Я говорила и Марусе, и всем говорю, что великое счастье, что я прошла во времена когда не было пыток. Мои два расстрелянных брата, они попали в самую кашу. Я думаю, что они прошли через пытки. Их за два месяца посадили, осудили и расстреляли. Причем я получила, я писала в ЦК, потому что моя приятельница сказала, что там быстро пересмотр идет. Из ЦК переслали в Новосибирскую прокуратуру. Я их прокуратуры получила письмо сообщение о том, что мои братья были осуждены и о дальнейшей их судьбе вам сообщит КГБ. КГБ мне ничего не сообщило. Но позвонил из ЦК

Архив Международного Мемориала фонд 12, опись 10, дело 14

сотрудник и сказал: берите карандаш, бумагу и пишите. Я трясущимися руками, не те очки, я не вижу, у меня плюс четырнадцать, ну я на каком-то клочке писала. Братья оба расстреляны. Он это мне сказал. Расстреляны они в 37-м году, в конце.

- А до какого вы там месяца пробыли в Новосибирске?

- В Новосибирске сложная была история. Сначала нас держали на Коммунистической в КГБ во внутренней тюрьме. Потом на повезли за город. Она Маруся представляет где это, а я нет. Там и расстреливали, где-то там кости моих братьев. Когда следствие кончилось нас еще отвезли в Томск, в такую тюрьму, где сидели дети, по этому сталинскому закону. Это одно из страшных впечатлений. Пайки, которые им давали воровали. Дети по сталинскому закону - за разбитое окно, за пререкания с учителем, за мелкое хулиганство их осуждали и сажали в обычную тюрьму.

Увезли меня в Томск сначала. Потом вернули опять в Новосибирск. Дали подписать окончание следствия. Потом , хоть и раньше нас увозили, вызывали по одиночке и давали подписать окончание следствия. Потом стали говорить, что оба заместителя начальника Особого отдела посажены. Вероятно и моего следователя посадили, потому что я подписывала окончание следствия уже у другого человека. Другой был китаец Сокин. Я с ним встретилась потом на Колыме в Магадане. Этот следователь Сокин был образованным человеком, языки знал, учился и в Китае и у нас. В Магадане он был на особом положении. Он, наверное, какие-то услуги им оказывал, Магаданскому КГБ. Потому, что я знаю, что он ходил без конвоя и бывал там в этом учреждении. Так вот, я думаю, что уже мой Барковский, это была зима 37-го года, мы там еще сидели и перестукивались. И вот в нашу камеру

Архив Международного Мемориала фонд 2 опись 10, дело 14

привозили такую Соню Букалову. Она москвичка, кончила МВТУ, инженер. И вот она училась с этим Фронкателем а он участвовал в оппозиции. Фронкатель вообще большая сволочь. Он мне присылал через чуть ли не конвоира. У нас там была такая одна особа, он мне прислал целый трактат, чтобы я разоружалась. Он меня призывал.

- Я вам потом расскажу про него. Его подсаживали к Николаю Ивановичу перед расстрелом уже. Это опубликовано в 22 номере "Агитатора". Он там пишет такую докладную, что он в особо сложных случаях. Его использовали. Подсаживали в камеру к тем, кто уже был приготовлен к процессу и он их уговаривал давать показания. Поэтому мне очень интересно если вы что-нибудь про Франкотеля можете рассказать.

- Где-то я его видела в прогулочном дворе. Я морду эту знаю очень хорошо. Тетя Соня, она была его любовью, он был в ссылке, и она ему туда письма посылала с сухими цветами. И из-за этого Фронкателя привезли много. Вот Соню привезли, еще Шор Михаил, тоже МВТУ кончал, он учился в Фронкателем. И вот рассказывали, Шор, такой красивый человек, я тоже его видела, его привели на допрос в предбанник, а там сидит Соня, он спрашивает следователя: - Я не понимаю, это что тоже троцкист? - это он про Соню. А тот ему объяснил, что Соню воткнули так же как Марусю - пять лет. Она легким испугом отделалась. А этот Фронкатель это сволочь редкой силы. И вот он мне прислал целую тетрадку от руки написанную, у нас там была такая Тюнина, которая с вохровцами, с охранниками, тоже такая скользкая. По моему это она эту передачу провела. Она мне дает, а я ей говорю: - Верни автору. Я узнала его только в тюрьме. Мы перестукивались там и он нам постучал когда нас привезли из Томска. Зима была. И он сказал - готовьтесь к судам.

Архив Международного Мемориала фонд 2, опись 10, дело 14

Он был информированный человек. Он был в это время в Новосибирске.

- А вы уже знали о московском процессе?

- Я должна поговорить с Марусей, потому, что процесс Николая Ивановича. Мы о нем узнали в Новосибирске. Но когда это было я сейчас не помню. Ну он нам сказал, что дело Бейлиса. Там были всякие воздействия. А я благословляю судьбу, что мы не прошли пытки, потому что человек не знает порога боли, который он может вынести и когда эти чистоплюи говорят: я бы ни за что... я бы никак... - я в это не верю. Такие люди, как Николай Иванович, который был мужественным человеком, гражданскую войну прошел, его нельзя было заставить какими-то посулами что либо сказать.

- В это время там никого не пытали?

- Уже когда нас привозили в Новосибирск потом, мы узнали, что на конвеер ставили. Нас не держали. Нас на конвеере не держали. А говорили, что держали и по многу часов. Чего в мое время не было, того не было.

Оказывается эта сволочь Франкоте меня призывал разоружаться. Не помню то ли во дворе на прогулке, то ли по стенке я ему простучала, что разоружаться надо вам, а мне нечего , я не вооружена.

В новосибирской тюрьме мы сидим, а Франконтель нам сообщил - готовьтесь к судам. Мы уже не один месяц сидим. И вот I3-го апреля 37-го года, надо проверить по документам, и вот приносят , то есть меня забирают с вещами из камеры. И меня повезли на Коммунистическую снова. И приносят обвинительное заключение. Прочтя его я приготовилась к расстрелу. Там было наворочено - это был роман в трех частях. Сначала у меня было обвинение ст.I0 и II

Архив Международного Мемориала фонд 2, опись 10, дело 14

А потом уже мелькнула 8 ч.I7. Я спросила следователя: почему это мне, какое соучастие в терроре?

– А это, вы принадлежали к организации, которая являлась террористической.

Я говорю: так тогда она и диверссионная, шпионская, тогда давайте уже весь кодекс.

И он мне сказал: – понадобится – дадим.

И вот мне приносят 8 ч.I7, а I0 куда-то делось. II, 8 ч.I7 А десятый уже отпал. Когда я прочла этот приговор, принесли еду, я ее не взяла. Я перебирала свою недолгую и горькую жизнь. Приготовилась к расстрелу. Повели меня на Военную коллегию уже часов в I2-ть в Большое здание., в само управление. Тюрьма во дворе, а туда в большой дом повели. И в кабинете, а там дальше совещательная комната – столы накрыты, вазы с фруктами, с пирожными Они все ушли на совещание, а у них все заготовлено типографским способом и на машинке отпечатано.

Но я с ними заедалась. Я все-таки с Военной коллегией сражалась до последнего. Я думала – ну все равно расстреляют. И вот когда удалилось особое совещание в эту комнату, смотрю, меня не уводили, а оставили тут. Двое стоят с шашками наголо. Причем один, я думаю у него поджилки тряслись, потому что когда-то, когда я жила в Томске, в семье товарища брата, этот был его товарищем и как-то танцевала я с ним.

Председатель суда был Рычков был. Остальных я не знаю. Нас по одиночке вызывали. Это такая организация, что у каждого своя линия, своя версия. Я с ними заедалась, говорила что никакой контрреволюционной организации не знала и не принадлежала и никакой контрреволюцией не занималась.

Архив Международного Мемориала фонд 2, опись 10, дело 14

Я считала, что терять мне нечего, все равно расстреляют и поэтому я говорила очень веско и аргументировано. Кочилось это тем, поскольку рецепт был стандартный, восемь лет тюремного заключения и три года поражения в правах.

А у меня, в результате этих объяснений с Военной коллегией, у меня от руки исправлено в приговоре - пять лет поражения. И когда меня привели в камеру, где там такая Верка Головина, я даже думаю, что она могла давать показания против Николая Ивановича, такая скользкая, темная личность, она плясали и кричала:

- Тоська выпросила у Военной коллегии лишних два года поражения в правах. Потому что у всех было по 8-3, а я пятерку получила. Так, что я действительно выпросила у Военной коллегии лишних два года.

Обрадоваться я даже не успела. У меня все клокотало внутри, я же к расстрелу подготовилась. По обвинительному заключению меня обязательно надо было расстрелять.

Должны были сразу в вагоны столыпинские погрузить. На вокзале целый состав стоял. Несколько дней там ждали пока заполнится весь состав. А нас повезли в какое-то помещение, мужчин и женщин, всех вместе. И вдруг я узнаю - двое наших техникумовцев. Один Васенька Буршевский. Работал он с Маручей у Николая Ивановича. Он зоотехник был. В техникуме он был секретарем партийной организации, так что я была моськрй, а он уже был солидным человеком. И Васенька Вишневский, тоже наш, сокурсник этого Буршевского. И вот тут мы с ним поговорили.

Он спросил: Ты как попала?

Я была знакома с Николаем Ивановичем. А мне Вася говорит - я с ним работал. Десять лет Васе дали. Буршевскому. Вот Маруся его знала хорошо. Они вместе работали с Николаем Ивановичем.

Архив Международного Мемориала фонд 2, опись 10, дело 14

И вот к вечеру нас уже погрузили в вагоны. Нас надо было видимо по дороге развозить в разные места. И тут было больше всего кузбасовцев. Один был тяжело больной. Они все друг друга знали. И партийные были, инженеры, профсоюзные - у них у всех было по I0 лет. В поезде, они же все были знак мы, и они пели.

Начальник конвоя был очень хороший человек, я думаю, что он наверное армейский, не КГБист. Он пока нас вез, меня и появилась еще женщина, с которой я не сидела в камере, но она была мне очень симпатична, она библиотекарь была, молодая тоже. Мне было 24 года и мы с ней как-то подружились и этот начальник конвоя нам журналы по дороге купил, потом нам какие-то обеды из ресторана, мы расписывались за то, что не было какого-то другого довольствия и он нам из ресторана что-то приносил. В общем когда он меня привез в ярославскую тюрьму, он понимал что я камнем одетая и на многие годы там. Вообще пока он сдавал нас он увидел что это такое. А это была военная тюрьма ярославская, там держали во время империалистической войны я не знаю кого, а потом она стала называться чем-то вроде политизолятора.

- А с Марусей Вдовиной вы уже разошлись? Ее тут не судили.

Она мне сказала, что она была очень красивая, у нее такие огромные глаза голубые с поволокой. Она говорит: - я в эту военную коллегию. Я думаю, что она ошрбается. Там Рыёков был. Он же откуда в Новосибирске? Мы с ней 52 года не виделись. И сейчас вот только по телефону общаемся. Это вы нас соединили. Большое вам спасибо.

Нам потом передавали по тюремному, так сказать, радио, что она так стреляла в них своими глазищами и они ее послали на пересследствие. Потом говорили, что она одна сидела, в одиночке потом, и вообще она легким испугом отделалась. У нее были такие же шансы

Архив Международного Мемориала фонд 2, опись 10, дело 14

получить как и у меня, потому что она работала

Когда меня привели в Новосибирскую камеру, они меня стали расспрашивать за что меня? Я им говорю - Я была знакома с Николаем Ивановичем. Меня наверное отпустят, я так думала, А они говорят - Ишь какая. Мы с ним работали, ругались, а ты чай с вареньем пила и хочешь чтобы тебя отпустили.

Ну а я чай с вареньем пила, а рассчитывалась жизнью своей.

Антонина Алексеевна, чтобы эту часть вернуть, я хотел бы еще вас попросить поподробнее рассказать. Вот как Николай Иванович выглядел в этот момент когда вы выглядывали и видели его?

Николай Иванович выглядел очень бодро. Он же очень красивый человек был. Седой-то он и раньше был. У него такой величественный облик был. Двигался он легко, такой военной походкой. Вот он так ходил в прогулочном дворе. Мы тогда отважились, открыли всю створку и три физиономии выставились. Это я настолько хорошо помню. Другие вещи она не помнит. Мне написать надо. Я теперь очень устаю. Какую-то еду готовлю, какую-то посуду мою.

Но может быть мы запишем это с моей помощью. Там что группу какую-то водили по кругу?

Нет. Николай Иванович один был. Он в одиночке сидел. Да, вот этот Барковский меня тоже переводил в одиночку одно время. Потом я голодала. Протестовала. Восемь дней сухой голодовки. Меня потом в больницу положили. В это время в камере какие-то другие лица появлялись. Меня уже должны были кормить искусственно, но я тогда сняла голодовку. Потому что я увидела всю бесполезность этого.

Николай Иванович тогда выглядел хорошо. Он был тогда только что арестован. Мне потом Маруся сказала, что его потом пытали. Не знаю от кого она это узнала. Наверное это уже было потом, в Москве, а тут в Новосибирске этого еще не было.

Архив Международного Мемориала фонд 2, опись 10, дело 14

– А как вам удалось переговорить. Ведь там следили наверное?

Вы знаете, в этой внетренней тюрьме были строгости. Но стучали мы во всю ивановскую. Я вам говорю – целые романы там были. Я стучу Германну Кононову. Я его с детских лет знала. Это друзья моей подруги. Стучу и вдруг Виктор Зверев. А это брат моего друга университетского, Сережи Зверева. Он был редактором журнала "Товарищ". Узнаю знакомые лица. Рядом в камере Богуславский был. А его из ссылки привезли и он сидел рядом в камере. Я с ним стучалась когда-то, но о чем разговор был не помню. Он пел хорошо, Маруся говорит, но я этого не помню. Вообще там в следственной тюрьме даже концерты устраивали мы. Бывал такой хороший дежурный Трусов вот когда он дежурил и Маруся, у нее был хороший голос. И они пели.

И мы все время все держали в эту форточку под контролем. Кто, что? Вот Лазарь Каганович проехал по сибирской железной дороге и сказал, что железной метлой он выметет оттуда вредителей. И вот началось это выметение после его поездки вредителей. Мы смотрим во двор, а там эти дядечки в картузах, в мятых форменках, как их сгребли с рабочих мест. На железной дороге платили мало, а у них семьи. Нам начальники станций, дежурные, мастера дорожные – все эти это вредители. И дорога задыхалась, происходили крушения. И вот везут и машинистов, и начальников станций, и дежурных по станции и диспетчеров. Везут, везут... И все кончалось за трое суток. Следствие, приговор и расстрел. У меня бессонница была. И вот я ночью слышу, как быстро возят "воронки" Это их на расстрел везут. И, видимо, это было очень недалеко, потому, что слышно было как возвращаются за другой партией. Вот об этом мне надо написать. Расстреливали не в этой тюрьме, а в загородной, около нее.

Архив Международного Мемориала фонд 2 опись 10, дело 14

Потому, что, расстреливали кемеровцев и тогда говорил, что они последнюю ночь просидели около тбрьмы на земле. Вот об этом мне надо написать. Обязательно. Потому что Маруся уже ничего не помнит.

- Это все было до апреля 37-го года?

- Да. До апреля 37-го года. Два инженера Куров 24-х лет, как и мне. Под моей кроватью была дырка около трубы и и там лежали две Маруся Вдовина и Саня Шаманская, я хорошо помню. Они в общем были в Кемерово и та, и другая немножко знали их. Эта была врач и они приходили к ней, просили бюллетень. А у Маруси Вдовиной там брат И они всю ночь перед расстрелом, они с ними разговаривали. Куров, 24 года, воспитанник детского дома. Кончил горный институт. В шахте произошел взрыв. В Кемерово. И девятерых расстреляли. Вот последняя ночь на земле. Куров говорит:

- Я мальчик. Я жить хочу. Они переговаривались в дырку и я все это слышала. Он просил - передайте Солнцеву, что я умираю комсомольцем. Я ни в чем не виноват.

А Солнцев это был какой-то его друг. Потом загремели засовы их вывели. Мои сокамерницы уснули, а я то не спала. Я залпов не слышала, хотя недалеко расстреливали. А утром, у нас там была еще другая дырка, в другую камеру. Там американец Солярский русского происхождения, Антон Иванович Мухин, он плоховато говорил по русски но все же говорил, не знаю в камере ли он научился или Солярский приехал с этими знаниями. Так он мне сказал, что было девять залпов. И он видел в щель в двери, что выводили красноармейцы в шубах. И он сразу понял, что на расстрел повели. Это недалеко от Новосибирской тюрьмы расстреливали. Сейчас там наверное уже асфальтом все покрыто, там дома построены. Там кости моих братьев и вот этих кемеровцев тоже.

Архив Международного Мемориала фонд 2, опись 10, дело 14

А нам говорили что всего шесть человек расстреляли. А днем нам попалась газета, там же бытовики были, так что газету мы получили и прочли, что девять человек. Вот это Антон Иванович правильно сосчитал. Он сказал, что девять человек выводили. Он в щелку в двери посчитал.

Утром пошли наши женщины в коридор, мыть. А им давали мешочки с продуктами от расстрелянных. Но они, конечно, не взяли.

После это было оставшихся в живых Леоненко, Маруся знала его, а второй был армянин. Она его не помнит, но я помню как она залезла на окно и грозила ему кулаком:

– Ты что это? Какие это свидетельские показания? Какое вредительство? – она ему кричала. К сожалению она этого уже не помнит. А я хорошо это запомнила, потому что как-то на меня подействовало, что я запомнила на всю жизнь. Я уже последние свои дни доживаю, а это от меня никуда не уходит..

– А двор этот большой был или маленький?

– Внутренний двор НКВД был очень маленький, потом его заасфальтировали, цветы все вырвали. А там уже был побольше. Там были бытовики. Там нравы были попроще.

А какая сама система гулянья была? Сами гуляли как хотели, или по кругу.

– По кругу. На вышке стоит охранник и смотрит. Выводит дежурный и мы гуляем.

– А с Николаем Ивановичем никому не удавалось перестукиваться или что-либо узнавать о нем.

– Нет. Во первых я не знаю умел ли он перестукиваться. А мы только во дворе с ним. Один раз только мы его видели. А потом его быстро увезли, почти сразу. Наверное он там пробыл всего несколько дней в Новосибирске. Потому что его отвезли

Архив Международного Мемориала фонд 2 опись 10, дело 14

потому что его повезли в Москву, где очень быстро процесс же шел. Что его было в Новосибирске держать?

– Да, надо еще выяснить, он семь месяцев и семнадцать дней не поддавался.. А этого Франкателя судили там или нет– Вы не знаете?

– Этого я не знаю. Он только нам сказал – 6I-я готовьтесь к судам. Он же был информированный человек. Он в это время был еще там. Это было симой, когда он нам сказал готовьтесь к судам. А нас задержали до апреля месяца.

– А Мария Игнатьевна еще помнит Строилова.

– Я только по процессу прочла, что он с Николаем Ивановичем шел. А она с ним работала.

– А он тоже провокатор был. Там было несколько провокаторов по этому процессу, которых тоже осудили. Потом его сюда привозили свидетелем для нового процесса, который был в Новосибирске . Вот то, что с вами проделывали. Суд, не суд. Как это назвать? Вот эти Совещания особые.

Нет. Строилов же по процессу прошел. Но зачем же его было везти снова сюда.

– Ну, это мы еще спросим у Марии Игнатьевны.

– Меня то отправили, а она подольше задержалась в Новосибирске.

Значит так. Давайте мы еще немножко поподробнее, как вы у Николая Ивановича в гостях были, а потом продолжим вашу Ярославскую тюрьму. Вот когда вы попали к Николаю Ивановичу, что у вас осталось, какое впечатление. Какая там была обстановка?

– Ну, там казеное все было. Кровать, письменный стол, такой обеденный стол, стулья были. Так что такая спартанская обстановка

Архив Международного Мемориала фонд 2 опись 10, дело 14

Это была коридорная система в доме. Там много было комнат. Двухэтажный дом. Он кажется на первом этаже жил. Он сам покупал на рынке картошку, резал и варил в маленькой кастрюльке в мундире. А потом чистили такую хорошую картошку и чаепития бывали. Никто ему не помогал, он все сам делал. Там особых угощений не было. Приходили, сидели, разговоры разговаривали. А угощалась иногда я, потому что когда бывал Тоцкий и вдвоем мы с Николаем Ивановичем. А так, когда было много народа, никакого такого угощения не было. У него в гостях бывала молодежь с которой он работал. Они его все обожали. Там были очень интересные люди. Но в основном зоотехники и кто из них кто я не знала. Не так уж часто собирались, но все-таки бывала там молодежь. И вот я обратила внимание, что наши техникумовцы, я их там не встречала. Васеньку этого я увидела только, мы с ним разговорились, когда нас уже осужденных в какое то помещение отправили. А там у Николая Ивановича я его не видела. Это такой комсомольский вождь был, а те не обращали внимания. Я не знаю партийные они были или безпартийные. Но они любили бывать у Николая Ивановича и все было рочень весело, смеялись, говорили о литературе, о сельском хозяйстве. Чаще они там свои дела рабочие обсуждали и так как у меня сельскохозяйственное образование, то я живо реагировала на все эти разговоры. Никакого пения там не было. С Бабушкой, с Аней я познакомилась на Колыме, но меня недолго там продержали и я им сказала, что меня поразило, что Николай Иванович так проходил:

– А вы как сюда попали?

Я была поражена, потому что он видимо подумал, что не то я подослана, не то что-то другое.

Вы успели ему что-нибудь сказать?

Архив Международного Мемориала фонд 1 опись 10 дело 14

– Нет, я не успела ничего ему сказать, но я была прямо ошарашена, потому что никаких у меня задних мыслей не было. А Аня мне сказала – он иногда бывал такой осторожный человек. А с Аней мы тут встретились на эскалаторе – я вверх, она вниз. Она мне крикнула – Кутузовский проспект. Но надо было телефон еще. А у меня болели дети и я.

А где же вы бабушку встретили? Раз вы ее Аней называли, значит

– В лагере. Но недолго я была. Меня отправили на трассу потом, а ее позже отправили. Больше я с ней не встречалась.

– Вот мы про нее тоже очень мало знаем. Как она в лагере выглядела?

Она выглядела еще довольно молодо. Она была средней общительности человеком была. Мы с ней встретились с радостью. Но меня очень быстро отправили. Я же говорю, моя зубастость меня часто подводила.. В Магадане я работала на рытье канав, ну водопровод и канализация. На коммуникациях. И там такой каменщик у которого была подсобница, вот читает письмо мне, что вот тепер может быть будут пересмотры Возглавлял эту комиссию Рычков

Я ей говорю: – У, он мне уже восемь лет и пять поражения дал, так что я теперь не жду никаких пересмотров. Что он из себя представляет я очень хорошо знаю. И вам не советую ждать.

– Теперь давайте вернемся к Ярославлю. Значит вам дали восемь лет и пять поражения в правах.

В Ярославль привезли и вдруг я с ужасом, мне так хотелось с кем–нибудь другим, а оказалась я И вот мы получали газеты и узнавали, что один слой за другим снимают этих партийных и советских работников. В общем с ума можно было сойти от этой информации, которую мы получали. И вот нас на три

Архив Международного Мемориала фонд 2, опись 10, дело по 14

И вот на три месяца нас лишают газеты из-за того, что я занималась химией с ней и мы писали на полях этих газет. И вдруг она нам стучит, что Зимин враг народа. Это новый секретарь, последний, третий уже. Уже были два расстреляны, а это третий в Ярославской области. И я говорю - эта идиотка опять все перепутала. Какой Зимин враг народа? Какой расстрелянный? А потом, когда мы получили газеты, вдруг зиминщина, с маленькой буквы. Действительно она оказывается не перепутала. И вот эти процессы,волосы дыбом вставали. - Районный секретарь, председатель облисполкома, зав. земотделом. Каждый отчитывался как будто бы за количество репрессированных. И вот так один слой, второй, третий... Потом заклеили не то Меркулова, то ли , кто из них прежде был, кто потом. Меркулов это НКВД. Я теперь уж их всех перепутала.

Двадцать пять месяцев я провела

Это был человек абсолютно чуждый, ни симпатии, ни общих интересов, ничего. Это страшно. И она пишет, пишет, а потом вдруг говорит. "Ося я тебе прочту" И она мне читает. Мои мысли только у нее более такие куцые. Она написала хулу Сталину. Я ей говорю - Катя, а я ведь ей ни слова не говорила, после того, как она меня в краже обвинила и в стукачестве обвинила, я только в себе все это держала. Да, я судила Сталина и новью и утром...

Но ведь сейчас люди с трудом поверят, что вы осознавали, что Сталин все-таки виновник.

Ну, это уже не для магнитофона, но я казнь ему придумала, что все желающие плюнули в него. Се йчас мне это смешно. Я тогда была молодая, глупая. Потому, что у меня был к нему счет очень серьезный. Когда я работала на Алтае, проработала три месяца скот перерезали для снабжения рабочих центров. Я в молочной

Архив Международного Мемориала фонд 2 опись 10 дело 14

Я в молочной промышленности работала, у нас маслозаводы, а молока нет, масла нет. И меня за халатность, я три месяца проработала, меня за невыполнение плана маслозаготовок осудили на год принуд. работ. Через три месяца. Ноя еще отделалась легким испугом. Это было в 35-м году. Меня выпустили в январе, а уже в мае и в июне я уже была осуждена. Я поехала сразу в область с этим приговором Пришла в Прокуратуру. Прокурор алтаец, такой умный, выслушал меня и сказал: - Давайте свой приговор. - Порвал его его при мне и сказал: - Больше ничего не пишите, я дело это закрою. И вот после этого я его спросила: - А как мне писать - судима или не судима? И он мне сказал: - Не судима..

И после этого в Новосибирской тюрьме произошла такая встреча. Нас ведут в мужскую камеру на лестнице. И мы встречаемся. И кого же я вижу - весь партийно-хозяйственный актив автономной области. Ну, конечно прокурор не мой знакомый. Я у него только один раз была. Но там председатель облисполкома. И один знакомый там. Он был редактором газеты и мы были с ним в хороших отношениях. Виктор Иванович Зар ыгин. Красивый такой такой человек. Он мне говорит:

- Вы то как сюда попали? - Он знал, что я студентка.

- Говорят, что я троцкистка. А вы как попали?

- А я алтайский националист.

Я говорю - Виктор Иванович, вы же русский. А он засмеялся и говорит: - Это не имеет значения. А он с алтайцами дружил, язык хорошо знал. Их еще не рассаживали и они все вместе были. И я всех их тут увидела. И прокурора, который закрыл мое дело. Так вот, я осталась работать в Горноалтайске и я разъездным работником была. Еду верхом и какие-то ребята в грязных рубахах, с

Архив Международного Мемориала фонд 2 опись 10 дело 14

конвоир какой-то на дороге, что-то они там работают. И вдруг меня окликают по имени. Я ехала верхом, спешилась, подхожу. Молодой конвоир:

- Вы что здесь делаете?

Последний год когда я училась в техникуме нам общежития не хватало и нам поснимали квартиры за Каменкой, в Новосибирске, и я попала в маленькую комнатку, а в проходной дило трое ребят, курсом моложе. И вот эти трое, как-то они ко мне относились с почтением, я в техникуме хорошо училась очень и япришла из интеллигентной семьи и преподаватели со мной, как с равной обращались, так что эти ребята ко мне относились почтительно. Было темно и я слышу как они говорят - надр скопить по три рубля, чтобы купить очки в простой оправе, чтобы носить для солидности. Когда я засмеялась, они были страшно смущены. И вот эти трое ребят, их на год раньше выпустили,

- А вы что здесь делаете?

- А мы вредители.

- Какие вредители? Что вы мелите?

- А мы вредители. Нас выпустили. Но был падеж телят и их обвинили во вредительстве. Они три месяца проработали так же как и я.

- Почему вы кассацию не подавали?

- А у нас Особое совещание. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит..

Я стою и думаю, чем же можно им помоч? Ни материально, никак не могу. Конвоир меня не отгонял, ничего, сколько я с ними разговаривала. Что делать. Обжалованию не подлежит, никуда не сунешься.

А когда я на третьем курсе училась нас посылали на сплошную коллективизацию. Называлось это "на месячник животноводства, но на самом деле, на коллективизацию. И вот я работала в бригаде, там

Архив Международного Мемориала фонд 2, опись 10, дело 14

была партийка, она работница, такая красивая. Ее муж был в Горно-Алтайске начальником КГБ, НКВД. И я к ней несколько раз заходила когда приехала работать после окончания, ну такое поверхностное знакомство. Но она старалась меня угостить, ребят своих показывала, а тут я к ней явилась и говорю: поговори с мужем. Трое мальчишек, это же дичь какая.

А она на меня как закричит: - Ты с ума сошла, это же вредитель вредители. Я чувствую, что она сама понимает нелепость этого, но она ничего не может. И говорит мне: - Я ему даже ничего не скажу об этом. - Она меня выпроводила, прямо в толчки.

- А почему вы все-таки созрели до того, чтобы понимать, что это Сталин виноват. Ведь можно было считать, что это на местах, кто-то.

В первый раз, когда головокружение от успехов, и только что увидела, что там творилось. Сара эта на меня кричала: - что ты там колхозы организовываешь? Надо коммуны.

- Какие коммуны когда летит пух от подушек. Плачут женщины, потому что не хотят расстаться с коровой, с курами, а их в коммуну

Я вспомнила, после второго курса я со своей подружкой, в квартире которой я в Томске жила, ходила к ним в коммуну. Она из коммуны была в Новосибирской области. И мы пешком сорок пять километров от станции шли. И я об этой коммуне без ужаса не могла вспомнить. Казарменный социализм. Грязные столы, какие безнадежные лица. Ни смеха, ничего. Вот приходят в эту столовую, Вот эти три дня там проведенные я без ужаса вспомнит не могу.

Поэтому за коллективизацию, как она меня не ругала, - Что ты мне, черт знает чем там занимаешься...

Архив Международного Мемориала фонд 2 опись 10 дело 14